

УДК 347.7

DOI: 10.34670/AR.2026.49.91.065

Информационная природа сложных объектов: проблемы определения правового режима в условиях цифровой трансформации

Кебетова Диана Алановна

Специалист по учебно-методической работе,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию информационной природы сложных объектов и проблем определения их правового режима в условиях цифровой трансформации. Анализируются доктринальные подходы к понятию сложного объекта, особенности его законодательного закрепления в статье 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации и трудности отграничения от смежных правовых конструкций – сложной вещи, составного произведения и единой технологии. Раскрывается влияние цифровой среды на оборот, использование и защиту сложных объектов, включая мультимедийные продукты, интернет-сайты, базы данных и компьютерные игры. Рассматривается соотношение статуса организатора сложного объекта и авторов включённых в него элементов. Критически оценивается судебный критерий «утраты авторского замысла» и обосновывается альтернативный критерий функциональной необходимости. Проводится сравнение российской модели с подходом Европейского союза. Формулируются авторское определение сложного объекта, предложения по уточнению статьи 1240 ГК РФ, проект специальной нормы о мультимедийных продуктах, коллизионное правило о субсидиарном применении законодательства об информации при сохранении приоритета части четвёртой ГК РФ, а также процессуальные рекомендации по фиксации нарушений в цифровой среде.

Для цитирования в научных исследованиях

Кебетова Д.А. Информационная природа сложных объектов: проблемы определения правового режима в условиях цифровой трансформации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 577-584. DOI: 10.34670/AR.2026.49.91.065

Ключевые слова

Интеллектуальная собственность, сложный объект, цифровая трансформация, информационная природа, правовой режим, мультимедийный продукт, база данных, компьютерная игра, исключительное право, судебная практика.

Введение

Цифровая трансформация изменила не только способы создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, но и саму структуру объектов гражданских прав. В современной цифровой среде всё чаще возникают объекты, которые нельзя описать как единичное произведение либо как простую совокупность самостоятельных результатов творчества. Они включают тексты, изображения, музыку, программы для ЭВМ, базы данных, элементы дизайна, сценарные и игровые решения, но в обороте воспринимаются и используются как единое целое. Именно эта группа объектов и образует наиболее проблемный массив для применения статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [Лабзин, 2025, с. 18].

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая среда усиливает противоречие между самостоятельностью прав на отдельные результаты интеллектуальной деятельности и необходимостью обеспечить устойчивое использование комплексного продукта как единого объекта. На практике это противоречие особенно заметно применительно к мультимедийным продуктам, интернет-сайтам, компьютерным играм и базам данных.

Научная новизна исследования состоит в следующем: во-первых, предлагается авторское определение сложного объекта, основанное не на механическом перечислении его видов, а на совокупности функциональных и оборотных признаков; во-вторых, обосновывается критерий функциональной необходимости как более точный по сравнению с критерием «утраты авторского замысла»; в-третьих, формулируются конкретные предложения по корректировке статьи 1240 ГК РФ, введению специальной нормы о мультимедийных продуктах, закреплению коллизионного правила о соотношении норм части четвёртой ГК РФ и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон №149-ФЗ), а также по совершенствованию процессуальных механизмов фиксации нарушений в сети Интернет.

Материалы и методы исследования

Действующая редакция статьи 1240 ГК РФ, хотя и перечисляет отдельные виды сложных объектов, однако не даёт общего понятия данной категории. Между тем без такого понятия правоприменение остаётся зависимым от оценочных подходов и аналогий. Анализ нормы позволяет выделить устойчивые признаки сложного объекта: наличие двух и более охраняемых результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации; их технологическая и функциональная связь; организация соединения этих элементов волей специального субъекта; использование объекта в гражданском обороте как единого результата. Именно совокупность этих признаков, а не простое сосуществование нескольких объектов, позволяет квалифицировать объект как сложный. Проведённый анализ показывает, что сложный объект – это не произвольный набор охраняемых элементов, а функционально и юридически связанная система, требующая особого правового режима, отличного от режима простой совокупности произведений.

При этом сложный объект необходимо последовательно отграничивать от смежных правовых конструкций. В отличие от сложной вещи по статье 134 ГК РФ он нематериален и существует не как физическое соединение предметов, а как система нематериальных элементов. В отличие от составного произведения по статье 1260 ГК РФ его сущность не исчерпывается

творческим подбором и расположением материалов, поскольку для него характерна не только композиционная, но и технологическая либо функциональная связность элементов. В отличие от единой технологии по статье 1542 ГК РФ сложный объект в классическом смысле статьи 1240 ГК РФ сохраняет выраженную творческую природу и связан прежде всего с оборотом результатов интеллектуальной деятельности, а не с внедрением технологического решения как производственного комплекса. Эти различия имеют практическое значение, поскольку определяют объём правомочий организатора, способы доказывания нарушения и пределы допустимого договорного регулирования.

Таблица 1 – Разграничение сложной вещи от смежных категорий

Категория	Ключевой признак	Отличие от сложного объекта
Сложная вещь (ст. 134 ГК РФ)	Материальная связь вещей	Сложный объект нематериален
Составное произведение (ст. 1260 ГК РФ)	Творческий подбор / расположение материалов	Нет необходимости в технологической неразрывности
Единая технология (ст. 1542 ГК РФ)	Объект технологического (не творческого) характера	Сложный объект всегда результат творчества

Результаты и обсуждение

В доктрине справедливо отмечается, что включение охраняемого результата в состав сложного объекта не означает автоматического исчезновения самостоятельности прав на него, но меняет модель его использования. В.О. Калятин указывает, что в подобной ситуации режим включённого элемента начинает соотноситься с интересом сохранения и использования сложного объекта как единого результата [Калятин, 2023, с.48]. Из этого, однако, не следует, что организатор сложного объекта приобретает «авторское право» лишь в силу организационной функции. Такое утверждение было бы некорректным. По общему правилу организатор не становится автором включённых элементов и не получает авторское право только по факту координации их создания. Он приобретает права использования на основании договоров либо исключительное право на сложный объект как единое целое в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом, например применительно к аудиовизуальному произведению. Разграничение этих конструкций принципиально важно для недопущения смещения статуса автора элемента и статуса лица, организовавшего создание общего результата [Братусь, 2024, с.9].

Ключевой для статьи категорией является информационная природа сложного объекта. Её недостаточно понимать как простое совпадение с термином «информация» в смысле Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Результат интеллектуальной деятельности не сводится к информации как таковой, поскольку обладает самостоятельным правовым режимом, основанным на нормах части четвёртой ГК РФ. Вместе с тем сложный объект, существующий преимущественно в цифровой форме, обнаруживает ряд свойств, которые позволяют говорить о его выраженной информационной составляющей. Во-первых, отсутствие материального носителя не препятствует его обороту. Во-вторых, такой объект может одновременно использоваться неопределённым кругом лиц без физического выбытия у правообладателя. В-третьих, для него характерны особые способы распространения, копирования и доведения до всеобщего сведения. В-четвёртых, в цифровой среде защита права переносится в сферу фиксации цифровых следов, скриншотов, видеозаписей, логов и протоколов осмотра интернет-ресурсов [Гринь, 2024, с. 109].

Именно в этом смысле информационная природа влияет на правовой режим сложного объекта. Отсутствие материального носителя, что прямо предусмотрено пунктом 4 статьи 1229 ГК РФ, не препятствует его гражданскому обороту. Специфика доказывания нарушений в цифровой среде, закреплённая в статьях 55–56 ГПК РФ и статьях 64–65 АПК РФ, допускает использование протоколов осмотра сайтов, скриншотов и видеозаписей экрана в качестве надлежащих доказательств. Всё это объясняет, почему к отношениям по поводу сложных объектов одновременно привлекаются нормы об исключительных правах, положения о доведении до всеобщего сведения (подпункт 11 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ), правила об информационных посредниках (статья 1253.1 ГК РФ) и процессуальные механизмы подтверждения цифровых нарушений. Отсюда вытекает и необходимое коллизионное правило: положения Федерального закона № 149-ФЗ подлежат применению к отношениям по поводу сложных объектов в цифровой среде субсидиарно, то есть лишь в той части, в какой соответствующие вопросы не урегулированы частью четвёртой ГК РФ. При противоречии приоритет должны иметь нормы ГК РФ об интеллектуальных правах, за исключением ситуаций, где специальное регулирование касается защиты персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»), пресечения распространения запрещённой информации либо иных публично-правовых обязанностей владельца ресурса. Такая формула позволяет избежать как искусственного подчинения интеллектуальных прав режиму общего информационного законодательства, так и игнорирования публично-правовых требований цифровой среды. Информационная природа сложного объекта, как представляется, не размывает его самостоятельного правового режима, а лишь корректирует его применительно к цифровой среде, требуя субсидиарного применения информационного законодательства при сохранении приоритета норм части четвёртой ГК РФ.

Экономический смысл конструкции сложного объекта состоит в обеспечении устойчивости инвестиционного цикла. Для организатора либо инвестора использование режима статьи 1240 ГК РФ предпочтительнее режима составного произведения потому, что оно позволяет сконцентрировать оборотоспособность на общем результате и снизить риск блокирования проекта отдельным правообладателем элемента. Для кинопроизводства, разработки компьютерных игр, создания интерактивных образовательных платформ или крупных интернет-сервисов такая предсказуемость имеет принципиальное значение [Зыков, Герцева, 2024, с. 60].

Вместе с тем режим статьи 1240 ГК РФ не безразличен и для авторов включённых элементов. Правило о ничтожности условий, ограничивающих использование результата в составе сложного объекта (пункт 2 статьи 1240 ГК РФ), защищает общий проект, но одновременно ослабляет рычаги влияния автора на последующую судьбу его произведения. Именно поэтому вопрос о балансе интересов инвестора, организатора и правообладателя элемента не может решаться декларативно. Как справедливо отмечает Д.А. Братусь, отсутствие ясных ориентиров в этой части становится источником значительного числа конфликтов [Братусь, 2024, с. 198].

Судебная практика пыталась восполнить пробелы законодательной конструкции с помощью критерия «утраты авторского замысла». Однако этот критерий, сформулированный Верховным Судом РФ (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 45-В12-1), хотя и сыграл роль на этапе становления практики, в современных условиях не может считаться универсальным. Его главный недостаток заключается в том, что он опирается на субъективную категорию и делает квалификацию сложного объекта зависимой от оценочного представления о замысле. Такой подход ещё можно

применять к отдельным аудиовизуальным произведениям, но он оказывается малоприменимым для баз данных, мультимедийных энциклопедий, интернет-сайтов и компьютерных игр, где элементы могут обновляться, заменяться или модифицироваться без утраты способности объекта выполнять своё назначение.

Более точным представляется критерий функциональной необходимости элемента для нормального использования объекта. Его смысл состоит не в том, что сложный объект должен быть невозможен без каждого компонента в отдельности, а в том, что совокупность его элементов образует функционально связанную систему, обеспечивающую использование объекта по назначению. Для применения этого критерия правоприменитель должен последовательно ответить на несколько вопросов: каково назначение объекта; какие элементы обеспечивают достижение этого назначения; может ли спорный элемент быть заменён без утраты основных свойств объекта; образуют ли включённые элементы устойчивую функциональную систему, выступающую в обороте как единый результат. Такой подход позволяет избежать чрезмерной субъективности и лучше соответствует модульной природе цифровых объектов. Так, отдельный музыкальный фрагмент в компьютерной игре может быть заменяемым, тогда как программная архитектура, игровая механика, визуальная среда и взаимодействие интерфейсных элементов нередко выступают системообразующими компонентами. Критерий «утраты авторского замысла» должен уступить место критерию функциональной необходимости, который более точно отражает сущность цифровых сложных объектов и обеспечивает объективность судебной квалификации.

Сравнение с зарубежными подходами показывает, что российская правовая конструкция тяготеет к большей централизации. В законодательстве Европейского Союза прямого аналога статьи 1240 ГК РФ не существует. Вместо этого Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/790 от 17 апреля 2019 г. (так называемая Директива об авторском праве на едином цифровом рынке) делает ставку на механизмы упрощённого лицензирования, инструменты коллективного управления правами и более гибкую координацию интересов правообладателей в цифровой среде [Директива ЕС 2019/790, 2019]. Сравнительный анализ показывает, что европейский подход не основывается на принципе строгого подчинения самостоятельных элементов правовому режиму сложного объекта как целого, а опирается преимущественно на договорные механизмы и институциональные способы координации прав. Российская модель, в свою очередь, делает акцент на обеспечении возможности использования сложного объекта именно в качестве единого результата интеллектуальной деятельности. Достоинство такого подхода заключается в повышенной предсказуемости гражданского оборота, однако его недостатком выступает риск неоправданного ослабления правового положения авторов и иных правообладателей, чьи произведения включены в состав сложного объекта. В этой связи дальнейшее развитие национального правового регулирования должно основываться на балансе между экономической эффективностью и необходимостью создания надлежащих гарантий для всех участников соответствующих правоотношений.

На основании изложенного представляется оправданным включить в статью 1240 ГК РФ легальное определение рассматриваемой категории. Абзац первый пункта 1 статьи 1240 ГК РФ предлагается изложить в такой редакции: «Сложный объект – это результат интеллектуальной деятельности, представляющий собой единое целое и включающий два и более охраняемых результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, которые объединены волей лица, организовавшего создание объекта, технологически и (или) функционально взаимосвязаны, а также выступают в гражданском обороте в качестве единого

объекта исключительных прав». Наряду с этим перечень сложных объектов следует сделать открытым, дополнив указанную норму словами «...а также иные объекты, отвечающие признакам сложного объекта, если иное не предусмотрено законом». Подобная формулировка имеет преимущество перед закрытым перечнем, поскольку она позволяет распространять правовой режим на интернет-сайты, компьютерные игры, мобильные приложения и иные появляющиеся цифровые формы без необходимости каждый раз вносить изменения в законодательство.

Помимо этого, заслуживает внимания включение в ГК РФ специальной статьи 1240.1, регламентирующей оборот мультимедийных продуктов. Её содержание возможно предложить в следующей редакции: «Правила статьи 1240 настоящего Кодекса распространяются на мультимедийные продукты, в том числе компьютерные игры, интернет-сайты и мобильные приложения, при условии соответствия таких объектов признакам сложного объекта. В случае отсутствия договора об отчуждении исключительного права либо лицензионного договора на отдельный результат, включённый в мультимедийный продукт, его использование организатором допускается только в исключительных ситуациях – при условии добросовестности организатора, доказанной невозможности получения согласия правообладателя на разумных условиях и обязательной выплаты правообладателю соразмерного вознаграждения, определяемого судом». В отличие от изначально более жёсткой модели, предложенная редакция не пренебрегает волей правообладателя, а вводит ограниченный механизм, подконтрольный суду, который, хотя и требует самостоятельного законодательного обоснования, в теоретическом плане позволяет достичь баланса между сохранением сложного объекта и защитой прав на составляющие его элементы.

Не менее важно чётко определить последствия недействительности договорных условий, ограничивающих использование результата в составе сложного объекта. Пункт 2 статьи 1240 ГК РФ предлагается дополнить правилом: признание такого условия ничтожным не влечёт недействительности договора в остальном, если иное не вытекает из существа обязательства. Это снизит риски, когда дефект одной оговорки используется для подрыва всех договорных связей.

Требуется нормативной конкретики и процессуальная сторона. Защита сложного объекта в цифровой среде зависит не только от материальной нормы, но и от возможности оперативно зафиксировать нарушение. Статью 1252 ГК РФ целесообразно дополнить пунктом 7.1: фиксация нарушения в сети «Интернет» возможна через нотариальный протокол осмотра сайта или автоматизированные системы мониторинга; скриншоты, видеозаписи экрана и иные цифровые материалы прилагаются к протоколу в полном объёме, без сокращений.

Для правоприменителя из этого вытекают конкретные алгоритмы. Организатору потенциально сложного объекта нужно: установить, отвечает ли результат признакам функционально связанной системы; оформить права на все включаемые элементы; оценить, возникает ли исключительное право на объект в целом по закону; при цифровом размещении проверить права на программную часть, контент, визуальные и музыкальные элементы.

При подготовке к судебной защите правообладателю целесообразно использовать следующую последовательность: прежде всего – нотариальная фиксация интернет-ресурса в порядке статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате; при невозможности её оперативного проведения – создание полноформатной видеозаписи экрана и скриншотов с указанием даты, времени и адреса страницы; при споре о природе объекта – привлечение специалиста для анализа его функциональной целостности; при споре о

включённых элементах – документальное подтверждение цепочки прав на каждый из них[Рожкова, 2025, с. 34]. Соблюдение указанных алгоритмов и рекомендаций позволит правоприменителю своевременно фиксировать нарушения и существенно снизить риск утраты доказательств по делам о защите прав на сложные объекты в цифровой среде.

Заключение

Таким образом, сложный объект представляет собой не случайное объединение охраняемых результатов, а особую правовую форму организации нескольких элементов в единый оборотоспособный результат. Его информационная природа проявляется не в отвлечённом совпадении с понятием информации, а в особом способе существования, оборота, нарушения и защиты в цифровой среде. Именно поэтому правовой режим сложного объекта не может быть адекватно описан только через перечисление видов, включённых в статью 1240 ГК РФ. Ему необходимы ясные критерии квалификации, чёткое разграничение статуса организатора и авторов элементов, более аккуратное соотношение с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», специальное регулирование мультимедийных продуктов и процессуальные гарантии фиксации нарушений. Предлагаемые изменения позволяют перевести дискуссию о сложных объектах из плоскости описания в плоскость конструктивного нормативного решения и тем самым приблизить правовое регулирование к реальным условиям цифровой экономики.

Библиография

1. Братусь Д.А. Защита авторских и смежных прав / под общ. ред. Б.М. Гонгало. Москва: Статут, 2024. 312 с.
2. Гринь Е.С. Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. Т. 77, № 9. С. 107-115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-obektov-avtorskih-prav-i-slozhnyh-obektov-intellektualnyh-prav-v-sotsialnyh-setyah-voprosy-sudebnoy-praktiki/viewer>.
3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/790 от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // Official Journal of the European Union. 2019. L 130.
4. Зыков С.В., Герцева М.А. Интеллектуальный комплекс – перспективный правовой механизм использования искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 2. С. 55-64.
5. Калятин В.О. В каких пределах можно использовать содержание баз данных: проблемы и перспективы // Закон. 2023. № 5. С. 44-52.
6. Лабзин М.В. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3. С. 15-28.
7. Рожкова М.А. Принципы и правила определения признаков сложных объектов в судебной практике // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2. С. 24-42.

The Informational Nature of Complex Objects: Problems of Determining the Legal Regime in the Context of Digital Transformation

Diana A. Kebetova

Specialist in Educational and Methodological Work,
Law Institute of Dagestan State University,
367000, 43-a, Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the informational nature of complex objects and the problems of determining their legal regime in the context of digital transformation. The doctrinal approaches to the concept of a complex object, the peculiarities of its legislative consolidation in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation, and the difficulties of distinguishing it from related legal constructions – a complex thing, a composite work, and a unified technology – are analyzed. The influence of the digital environment on the turnover, use, and protection of complex objects, including multimedia products, websites, databases, and computer games, is disclosed. The correlation between the status of the organizer of a complex object and the authors of the elements included in it is examined. The judicial criterion of "loss of author's intent" is critically assessed, and an alternative criterion of functional necessity is substantiated. A comparison of the Russian model with the approach of the European Union is carried out. The author's definition of a complex object, proposals for clarifying Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation, a draft special norm on multimedia products, a conflict-of-laws rule on the subsidiary application of information legislation while maintaining the priority of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as procedural recommendations for recording violations in the digital environment are formulated.

For citation

Kebetova D.A. (2026) *Informatsionnaya priroda slozhnykh ob'ektov: problemy opredeleniya pravovogo rezhima v usloviyakh tsifrovoy transformatsii* [The Informational Nature of Complex Objects: Problems of Determining the Legal Regime in the Context of Digital Transformation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 577-584. DOI: 10.34670/AR.2026.49.91.065

Keywords

Intellectual property, complex object, digital transformation, informational nature, legal regime, multimedia product, database, computer game, exclusive right, judicial practice.

References

1. Bratus, D. A. (2024). *Zashchita avtorskikh i smezhnykh prav* [Protection of copyright and related rights] (B. M. Gongalo, Ed.). Moscow: Statut.
2. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market. (2019). Official Journal of the European Union, L 130.
3. Grin, E. S. (2024). *Pravovaya okhrana obektov avtorskikh prav i slozhnykh obektov intellektualnykh prav v sotsialnykh setyakh: voprosy sudebnoy praktiki* [Legal protection of copyright objects and complex objects of intellectual rights in social networks: issues of judicial practice]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 77(9), 107-115. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-okhrana-obektov-avtorskih-prav-i-slozhnyh-obektov-intellektualnyh-prav-v-sotsialnyh-setyah-voprosy-sudebnoy-praktiki/viewer>
4. Kalyatin, V. O. (2023). *V kakikh predelakh mozjno ispolzovat sodержanie baz dannykh: problemy i perspektivy* [To what extent the content of databases can be used: problems and prospects]. *Zakon*, 5, 44-52.
5. Labzin, M. V. (2025). *Slozhnye obekty intellektualnykh prav. Obshchaya chast* [Complex objects of intellectual rights. General part]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*, 3, 15-28.
6. Rozhkova, M. A. (2025). *Printsipy i pravila opredeleniya priznakov slozhnykh obektov v sudebnoy praktike* [Principles and rules for determining the features of complex objects in judicial practice]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*, 2, 24-42.
7. Zikov, S. V., & Gertseva, M. A. (2024). *Intellektualnyy kompleks – perspektivnyy pravovoy mekhanizm ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta* [Intellectual complex – a promising legal mechanism for the use of artificial intelligence]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2, 55-64.